

Елена Петровская

От созерцания к действию

Helen Petrovsky

From Contemplation to Action

Елена Петровская (Институт философии РАН, руководитель сектора эстетики; кандидат философских наук) epetrovs@iph.ras.ru.

Ключевые слова: материя, действие, трансформация, революция, философия поступка, образ, знак, динамический знак, Кропоткин, Бахтин, Спиноза, Делёз, Пирс

УДК: 172.30

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_26

В работе рассматриваются три основных блока вопросов: 1) единство природного и социального; 2) образы действия; 3) особая семиотика сил. Мысль о единстве природного и социального проводится на основе размышлений П.А. Кропоткина о таком материалистическом методе мышления, который позволяет рассматривать «изучение общественных учреждений как один из отделов естественных наук». Материализм предстает вариантом антиметафизической философии, в том числе и в свете новейших его разработок. В качестве образов действия берутся идеи о революции как способе трансформации социальной материи (тот же Кропоткин) и философия поступка М.М. Бахтина. У Бахтина акцент ставится на «единый план» поступка, не позволяющий разделять мир культуры, где действие всегда объективировано, и мир жизни, где оно совершается. Наконец, проблема семиотики сил относится к тем способам фиксации изменений материи, которые находятся в откровенной оппозиции к традиционным лингвистическим моделям знака. В связи с этим особого внимания заслуживают понятия образа у Спинозы и Делёза и знака, как его интерпретирует Ч.С. Пирс.

Helen Petrovsky (PhD; Head of the Department of Aesthetics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) epetrovs@iph.ras.ru.

Key words: matter, action, transformation, revolution, philosophy of the act, image, sign, dynamic sign, Kropotkin, Bakhtin, Spinoza, Deleuze, Peirce

UDC: 172.30

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_26

The essay deals with three main groups of questions, i.e.: 1) continuity between nature and society; 2) images of action; 3) a special semiotics of forces. The idea of a continuity between nature and society is based on Peter A. Kropotkin's vision of a materialist method that has "included the study of social institutions in the sphere of natural-scientific investigations". Materialist philosophy in general appears as anti-metaphysical, including its most recent versions. An exploration of action brings together the understanding of revolution as a means of transforming social matter (again, the reference is to Kropotkin) and a reading of M.M. Bakhtin's philosophy of the act. Bakhtin emphasizes the "unitary plane" of an act, which does not allow to split apart two worlds, namely, the world of culture, where an act is always objectified, and the world of life, where it is actually performed. Finally, a semiotics of forces has to do with ways of registering material changes that stand in stark opposition to traditional linguistic models of signs. In this perspective special attention is given to the concept of image according to Spinoza and Deleuze as well as to Charles Sanders Peirce's semeiotic.

Образы практической философии множественны и разнообразны. Однако вряд ли кто-то будет отрицать, что за словом «практическая» стоит не умозрение, а действие, и именно на этом последнем мы хотели бы сосредоточить здесь свое внимание. Парадокс, впрочем, заключается в том, что в истории философии не так уж и много примеров осмысления действия (или, в более узком смысле, поступка), приводящего к изменению существующего положения вещей. В связи с этим уместно вспомнить слова Ханны Арендт, повторявшей вслед за Локком: «...с точки зрения автоматических процессов, вроде бы

однозначно определяющих мировой ход вещей, всякое деяние представляется каким-то курьезом или чудом» [Арендт 2000: 327]. Действительно, в парадигме рационального мышления, выводящего следствия из причин и отдающего приоритет познающему субъекту, деятельность которого приходит на смену ни больше ни меньше как божественной воле, деяние, оно же — действие, поступок — кажется чем-то не только необусловленным, но и выбивающимся из общей логики подобного мироустройства.

Между тем именно оно, действие, причем преимущественно коллективное, является тем, что приводит к масштабным изменениям, которые рациональной философией как раз и улавливаются только задним числом, то есть, проще говоря, когда само действие прекратилось, обнаружив какие-то более или менее устойчивые результаты. А вот помыслить действие как таковое, в момент его свершения, когда вместе с так называемым объектом (тем, что подлежит трансформации) изменяется и действующий субъект, — задача весьма непростая. В приводимых ниже рассуждениях мы попытаемся показать, как можно мыслить действие как нечто единое и неделимое, а также какие в нашем распоряжении могут быть способы фиксации такого рода действия, если при этом нельзя полагаться ни на отвлеченно-абстрактные схемы объяснения, ни на привычную нам семиотику, которая, используя лингвистические модели знака, расчленяет мир с помощью бинарных оппозиций¹.

Единство природного и социального

К вопросу о неразложимом характере действия и его прямого влияния на существующее положение вещей подойдем со стороны идей, которые начинают активно циркулировать уже в XIX веке. Интересующий нас подход связан с утверждением единства природного и социального, что, как будет показано ниже, входит в прямой резонанс с представлениями, которые формируются в наше собственное время, обогащенное прежде всего новыми научными открытиями. Тем не менее идеи, высказанные русским ученым-первооткрывателем и революционером-народником Петром Алексеевичем Кропоткиным, по сей день не теряют своей актуальности, особенно в той их части, где исследователь приходит к заключениям, казавшимся в его время чем-то неожиданным, если вообще не экзотичным. Начнем с того, что Кропоткин считает возможным отстаивать безусловную правоту анархизма в том, что он рассматривает «изучение общественных учреждений как один из отделов естественных наук; что он распрощался навсегда с метафизикой и взял себе в качестве метода мышления тот метод, который послужил к созданию современной науки и материалистической философии нашей эпохи» [Кропоткин 2002: 236]. Так, по убеждению Кропоткина, формируется тройное единство идей анархии, коммунизма и научного метода.

Задержимся на приведенном положении. Очевидно, что вторая половина XIX века — момент крайне благодатный с точки зрения развития естественных наук. Но не только. Ученые этого времени демонстрируют то, что можно назвать синтетическим мышлением, устанавливающим отношения между са-

1 Имеются в виду такие пары, как означающее — означаемое, знак — референт, слово — понятие и др.

мыми разными областями человеческой деятельности, а главное — между природой и культурой. В построениях естествоиспытателей заметно стремление не отделять природный мир от социального, и это касается не только Кропоткина, прославившегося своими путешествиями по Восточной Сибири². В том, что мы привычно называем гуманитарной сферой, также присутствует стремление переосмыслить основания, которыми руководствовались прежние «науки о духе». Так, в искусствоведении, например, на первый план выдвигается идея о том, что уже и культура сама по себе неиерархична, а это в конечном счете открывает путь к пониманию внутренней логики массовых обществ³. Конечно, со стороны философии и теории общественного развития серьезнейшим источником формирования нового мировоззрения остаются Ницше и Маркс⁴. Как бы то ни было, именно в эту эпоху, с утверждением материализма в самых разных областях исследований, метафизическое мышление — явно или подспудно — все явственнее ставится под вопрос.

В самом деле, в чем состоит особенность метафизического мышления? Если говорить предельно коротко, мы сталкиваемся здесь с процедурой удвоения, а именно с удвоением мира рефлексией, естественного — символическим вообще и оценочным (ценностным) в частности. О недопустимости такого удвоения (или скажем мягче: о его непродуктивности) сообщают нам современные исследователи, для которых — уже на новом историческом витке — противопоставление природного и социального оказывается пережитком старого мышления, когда жизнь, *bios*, является чем-то неизбежно подчиненным порядку символического. Это справедливо даже в отношении авторов таких, казалось бы, «телесных» биополитических концепций, как Мишель Фуко и Джорджо Агамбен, о чем можно прочесть у влиятельного французского философа Катрин Малабу, которая в своих теоретических построениях полагается в первую очередь на достижения современной нейробиологии⁵. Преодолевая де-факто разрыв между различными областями знания в пользу установления единства природного и социального, она заключает: «...необходима разработка какого-то нового материализма, который утверждает совпадение символического и биологического. Жизнь только одна» [Малабу 2019: 59]⁶.

Но уже Кропоткин по-своему проводит ту же мысль, рассуждая о происхождении и основах морали. Если суммировать соображения, изложенные

-
- 2 Если Кропоткина интересует география, а главное — природный мир Сибири, что позволит ему в дальнейшем сформулировать революционную концепцию взаимной помощи, то биологи-эволюционисты усматривают единство всех живых существ, когда речь идет, например, о создании обобщенных концепций памяти как изменений, вызываемых внешними воздействиями в раздражимой субстанции любых живых организмов (см. прежде всего теорию энграмм, или мнемических следов, немецкого зоолога Рихарда Земона [Земон 2019]).
 - 3 См. убедительный анализ такого направления немецкоязычного искусствознания, которое известно под именем «Bildwissenschaft» («наука об образах»): [Bredenkamp 2003].
 - 4 О том специфическом смысле, в каком у Маркса нет «философии практики», см. аргументы Луи Альтюссера: [Альтюссер 2005: 28–34].
 - 5 «Символическая жизнь — это та, что превосходит жизнь биологическую и придает ей смысл. Так обозначают жизнь духовную, жизнь “произведения искусства”, жизнь как заботу о себе и моделирование бытия, которая отрывает наше присутствие в мире от его единственного природного и темного измерения» [Малабу 2019: 49].
 - 6 Строго говоря, такой подход является по определению имманентистским.

им в лекции «Справедливость и нравственность», прочитанной по-русски перед рабочей аудиторией в 1920 году (ей предшествовала английская версия), то нравственность отличают три главные характеристики: она общественна, естественна и безоценочна. Общественный характер морали проистекает из того, что Кропоткин определяет как унаследованную «привычку общительности» — инстинкт, наблюдаемый во всей живой природе. Сюда же примыкает и понятие о справедливости, утверждающей всеобщее равенство. Очевидно, что подобный взгляд противоречит представлению о естественном состоянии общества как о «войне всех против всех» и продолжает Спинозианскую линию. Естественность морали обусловлена тем, что движима она взаимной помощью — это что-то вроде непроизвольного импульса («непреодолимого внутреннего побуждения»), заставляющего нас буквально бросаться на помощь, не считаясь с возможными рисками. Наконец, безоценочность нравственности заключается в том, что, совершая моральный поступок, человек не думает о нем в категориях самопожертвования или чего-то еще, что в точном смысле дублирует его действие некоей символической, в данном случае оценочной, надстройкой. Напротив, «нравственный человек», согласно Кропоткину, лишь удовлетворяет требования своей природы, но в этом же заключается «сознание человеком своей силы: избыток энергии, избыток сил, стремящийся выразиться в действии» [Кропоткин 2009].

Зададимся вопросом о том, как концепции, зародившиеся в XIX веке, связаны с современным положением вещей. Эпоха, в которую мы живем, пусть и неофициально, называется антропоценом. Речь идет о таком уровне воздействия человека на естественную среду обитания, когда оно становится фактором последующей эволюции всей экосистемы Земли⁷. Принято считать, что эта новая геологическая эпоха началась приблизительно в 1950-е годы. Впрочем, как бы в точности она ни называлась и от какой бы точки ни велся отсчет, вполне очевидно, что речь идет о кардинально изменившихся отношениях человека и природы. Осознание этих изменений проявляется в том, что обозначились границы человеческого: человек больше не является привилегированным существом, противостоящим природному миру. Сами его действия мыслятся частью общей композиции динамических сил, в которой он лишь соучаствует. Такие взгляды развиваются, в частности, представителями постгуманизма. Но еще раньше все тот же Фуко провозгласил «смерть человека», под чем, правда, понималось, что субъективность не является данной, то есть чем-то естественным и объективным, а исторически конструируется теми или иными режимами власти. Одним словом, человеку отныне отказано в господстве над жизнью в какой бы то ни было форме; напротив, он сам предстает ее довольно скромным — к тому же подчиненным — элементом.

Если говорить еще более обобщенно, материализм как разновидность бес-субъектной философии существует с незапамятных времен, хотя в этом виде он был маргинализован древней, а главное — позднейшей метафизикой. Примером могут послужить досократические теории стихий, выявляющие иную логику взаимодействий по сравнению с линейной схемой причинно-следственных связей. Такого рода воззрения в их современной трактовке оказываются необычайно продуктивными для объяснения технологического

7 Из всей обширной литературы по этому вопросу см. два коротких, но содержательных эссе: [Chakrabarty 2017; Nixon 2017].

мира⁸, где техника становится не чем иным, как разновидностью человеческой чувственности. Переопределение чувственного, происходящее сегодня, опирается на стирающееся различие между чувственным и рациональным. Более того, понимание чувственности как разделяемой или «всеобщей», когда человек предстает частью единой технологической среды, требует разработки новых аналитических средств, оставляющих позади как лингвистические, так и когнитивные модели. В самом деле, для описания меняющегося мира нужны альтернативные способы концептуализации, которые мы находим *ad marginem*, то есть буквально «на полях», господствующей метафизической традиции. Но к этому мы еще вернемся.

Образы действия: революция, поступок

Остановимся на двух основополагающих образах действия, а именно на революции, как она мыслится Кропоткиным, и на философии поступка М.М. Бахтина. Выбор этих двух концепций обусловлен тем, что у Кропоткина мы имеем дело с действием принципиально коллективным, тогда как Бахтин рассуждает о поступке, казалось бы, в индивидуалистической перспективе. И тем не менее в обоих случаях, как мы надеемся показать, действие определяется физикалистски, то есть предстает результирующей неких сил, которые его и формируют, причем эти силы сами по себе безличны. Если вернуться к мысли Кропоткина о единстве природного и социального, то революцию можно понимать как трансформацию социальной материи. Это утверждение не следует воспринимать метафорически. Действительно, вспомним о том, что Кропоткин был географом и изучал тектонику земной поверхности; это наводит на мысль и о тех макроритмах, какими существуют революции: заложенная в них преобразующая сила не одномоментна, но вполне сопоставима со временем масштабных трансформаций, происходящих в неживой природе⁹. И хотя на этот счет у Кропоткина прямых рассуждений не найти, в основе изменений он видит действие материальных сил, а во взаимосвязи всех живых существ выявляет настоящую закономерность.

Понятно, что апофеозом социальной борьбы, направленной против «вековой несправедливости», является для Кропоткина революция, которая и подготавливается этой затяжной и упорной борьбой. Но как определяется им действие, заведомо неотделимое от социального контекста? Прежде всего, действие заразительно и его совершают «застрельщики»; они и призваны «постоянно пробуждать смелость и бунтовской дух, действуя своим собственным примером» [Кропоткин 1905: 8]. Хотя таких застрельщиков явное меньшинство, тем не менее, являясь выразителями бунтовского духа, они становятся той искрой, от которой загорается пожар. Действие, далее, должно пройти «через горнило толпы и улицы» и найти для себя эквивалент «в каком-нибудь простом кратком выражении, которое бы стало народным достоянием» [Там же: 12]. В этом можно усмотреть идею перформатива, то есть высказывания,

8 Сопшемся на работы американских исследователей сетевой реальности А. Гэллоуэя и Ю. Такера, а также на оригинальную концепцию кино, разработанную О.В. Аронсоном. См.: [Гэллоуэй, Такер 2019; Аронсон 2018].

9 О революции как о процессе «большой длительности» см.: [Aronson 2020].

меняющего существующее положение вещей, задолго до появления теорий, исследующих речевые акты¹⁰. Именно действие, убежден Кропоткин, «порождает идеи», а вовсе не наоборот. Так, идея революции не является изобретением ученых: сами угнетенные своими попытками, зачастую неосознанными, сбросить ярмо угнетателей привлекли внимание ученых к общественной морали, и только потом эти последние обнаружили ее полнейшую несостоятельность. Благодаря действию идеи распространяются по миру, причем само оно может принимать различные формы:

Наше действие должно быть постоянным бунтом, посредством слова, посредством письма, посредством кинжала, ружья, динамита и иногда даже посредством избирательного бюллетеня... Мы последовательны, и мы используем любое оружие, когда дело доходит до мятежа (*frapper en révoltés*) [Kropotkine 1880].

Вчитаемся в короткий текст, опубликованный в женеvской газете «Le Révolté» и посвященный памяти Чарльза Дарвина, чьи идеи Кропоткин излагает по-своему, а именно в духе взаимной помощи, понимаемой им как закон эволюционного развития [Кропоткин 2007]¹¹. В этом некрологе от 29 апреля 1882 года объединены две сферы, одинаково занимавшие ученого, — природная и социальная. Переход от одной к другой имеет здесь место де-факто, без специального обоснования, однако в этом можно также усмотреть и имплицитную его закономерность. Многообразие живого, пишет Кропоткин, есть результат действия «физических сил», проявлявших себя на разных уровнях живого на протяжении тысячелетий. Почему животные и растения так замечательно приспособлены к своей среде обитания? Дарвин видит в этом следствие «естественного отбора», чему способствует «борьба за выживание». Иными словами, это есть результат действия именно «естественных причин». И тут же, ссылаясь на полемику с буржуазией, которая использует тезис о борьбе за выживание как довод против социализма, Кропоткин переходит к социальной сфере, не теряя из виду главную мысль: в «борьбе за выживание», продолжает он, побеждает тот, кто «все производит», кто «изобретает», кто способен работать «руками и головой», обеспечивать свое существование и развиваться, одним словом — рабочий. И если сам Дарвин этого не сделал, то его единомышленники доказали, что только «способные к общительности виды (*les espèces sociables*), где все индивиды солидарны друг с другом», только такие виды процветают, развиваются и расширяются. «Солидарность и совместный труд (*travail solidaire*)» — вот что сплачивает виды в их борьбе против враждебной природы во имя выживания. Об эксплуатации не может быть и речи; эксплуатация как ресурс, так и человека человеком противоречит самому анархо-коммунистическому порядку вещей [Kropotkine 1882].

Итак, одни лишь солидарные действия в конечном счете приводят к успеху, и именно в солидарности проявляет себя единая закономерность, управляющая как природными, так и социальными процессами. Здесь мы можем усмотреть определенную физику сил, совместное («солидарное») действие которых и приводит к революционным сдвигам. Как же коррелирует с этим кон-

10 См. подробнее наш разбор: [Петровская 2022].

11 О современных антропологических трактовках этой концепции см. в первую очередь: [Grubačić 2020].

цепция Бахтина с ее явным неокантианским и феноменологическим уклоном? Мы выделим в ней такие моменты, которые не только заставляют самого Бахтина усомниться в прежних философиях поступка, но и открывают путь возможному бессубъектному пониманию излагаемых им положений. Начнем с того, что в своей ранней работе Бахтин предлагает задуматься над «нудительной» силой поступка [Бахтин 2000]. В этом необычном слове прочитывается «принуждение», и действительно речь идет о том, что мы должны реализовать свою единственность в бытии, которая, являясь чем-то данным, тем не менее должна быть претворена в действие, то есть в «поступление». За этим кроется хорошо известная формула «не-алиби в бытии». Это та принудительная сила, которая, по Бахтину, заключена в самой моей единственности: моя единственность требует от меня поступка, совпадающего с жизнью в целом, как формы своего осуществления. Отметим в то же время (этого нет у Бахтина), что в слове «нудительный» слышится и нечто иное, а именно отголосок «нужды», наводящей на мысль о состояниях, которые не управляются нами. Это простейшие потребности, продиктованные жизнью, такие как потребность в пище, воздухе или воде.

Бахтин прекрасно понимает, что поступок не требует никакого внешнего себе обоснования. Более того, разделение поступка на его «объективный смысл и субъективный процесс свершения» не учитывает главного — того, что получает название «синтетической правды» поступка. Критерием поступка, согласно Бахтину, является ответственность, что выводит его за пределы узко понимаемого рационализма и связанных с ним предрассудков. Ответственный поступок не только позволяет реализовать «единственность своего места в бытии»; он также устраняет разделение двух изолированных друг от друга миров — мира культуры, где действие всегда объективировано, и мира жизни, где оно по-настоящему свершается. Ответственность выступает внутренним законом поступка, благодаря чему мы можем одним махом отбросить представление о поступке как о чем-то субъективном и психологическом и утвердить тот «единый план», в котором только его и надлежит рассматривать.

Единый план поступка преодолевает разорванность таких категорий, как смысл и факт, общее и индивидуальное, реальное и идеальное. Более того, онтологический приоритет действия перед любым теоретическим установлением объясняет и то, что, по мысли Бахтина, является «инициативой поступка по отношению к смыслу». Смысл образует самостоятельный и самодовлеющий мир, для которого я и мои действия случайны. Мир абстракций, или теоретический мир, остается безразличным к факту моей активной единственности в бытии — находясь по ту сторону практики, он не может дать мне никаких, в том числе и нравственных, ориентиров. Напротив, инициатива поступка по отношению к смыслу утверждает необходимый характер моего действия, превращает пассивную данность в так называемую заданность: я не просто оказался в бытии, но и обязан реализовать свою единственность перед лицом таких же, как и я, других и в постоянном взаимодействии с ними. Чтобы понять (познать) поступок, необходимо с чистого листа создать новую нравственную философию, которая учитывала бы конкретную «архитектонику» каждого поступка, равно как и «взаимное расположение» поступков, совершаемых также и другими и образующих вместе нечто вроде автономной сети.

На пути к семиотике сил

Мы видим, как уже у Бахтина, выстраивающего онтологию поступка, проблема перевода действия на язык культуры стоит в полный рост. Именно потому, что Бахтин отдает приоритет по-своему истолкованному действию, все предписания моральной философии, а также теория как таковая остаются для него всего лишь абстракцией, оторванной от живого закона поступка. В самом деле, поступок создает свой собственный закон, не имеющий отношения к каким-либо из существующих норм или правил. (Бахтин открыто утверждает не только невозможность вывести поступок из абстрактных предписаний, но и невозможность провозгласить его априорный всеобщий закон.) Как мы уже намекали, в этом можно усмотреть побуждение, диктуемое жизнью, или силами внешнего, но представленное как установка сознания, обусловленная нравственным субъектом. И все-таки вопрос о том, каким образом может передаваться действие, сохраняет первостепенную важность. Перед нами стоит задача не только отказаться от проекций готового знания и/или рациональных предрассудков, говоря словами Бахтина, но и обосновать такую систему «записи», которая принимала бы в расчет неотвратимость, так сказать, самого изменения. Ведь действие меняет не только объект, на который оно направляется; в процессе действия меняется и сам действующий — его агент, исполнитель. Классическое понятие субъекта этого не допускает — оно опирается на посылку о самогождественности.

Нам представляется, что у разных мыслителей прошлого встречаются подступы к тому, что можно назвать элементами новой семиотики, исследующей динамику изменения самой материи. Несмотря на несхожесть исторических обстоятельств, в которых формировались их идеи, а также специфику используемого терминологического аппарата, в фокусе внимания этих авторов находится именно трансформации как эффект столкновения безличных сил. В связи с этим уместно вспомнить материалистическое понимание образа, предложенное в «допсихологическую» эпоху Бенедиктом Спинозой и заново истолкованное в XX веке Жилем Делёзом. Согласно Спинозе и Делёзу, образ вещи (или, говоря по-другому, идея) — это идея состояний человеческого тела. В ней соединяются (буквально смешиваются) как минимум две природы, а именно природа тела, испытавшего воздействие, и природа тела, оказавшего воздействие извне. Образы, стало быть, можно понимать не только как телесные следы, но и как «следы внешнего тела на нашем теле» [Делёз 2001: 371]. Однако след или отпечаток примечателен не тем, что фиксирует завершенное событие. Главное, что «от одного образа или идеи к другим существуют переходы, переживаемые превращения, длительности [durée]...» [Там же: 357–358]. Речь идет об аффектах, которые в точном смысле служат переходами¹² от одних состояний к другим и которые в живой длительности ощущаются как различие между отдельными переживаемыми состояниями. В предложенной интерпретации образ безусловно физичен постольку, поскольку им передается некое взаимодействие, иначе говоря, столкновение материальных тел, которое и приводит к обоюдному их изменению. Но он, этот образ, неустойчив в том смысле, что неотделим от аффектов, то есть от самих переходов к большему или мень-

12 Термин самого Спинозы. См.: [Спиноза 1957: 508].

шему совершенству (так выражается Спиноза), которые ощущаются нами как состояния удовольствия и неудовольствия. Впрочем, к какому бы конкретно состоянию ни приводил переход, сам он ни от чего не зависит — это движение «от порога к порогу», притом конститутивного свойства [Negri 2013: 89].

Обратимся к примеру современного искусства, понимаемого в терминах действия или вторжения, а такие течения, как акционизм и интервенционизм, без труда позволяют это сделать. Как бы неожиданно это ни звучало, но оно фактически приводит к переопределению образа в спинозианском духе. Ведь такое искусство само формирует отношения, дает толчок новым связям и при этом не дублирует их¹³. Когда мы говорим «не дублирует», мы имеем в виду, что между ним и возникающей системой отношений нет больше посредника, каким является изображение, еще одно культурное порождение вездесущих символических систем. Вместо этого современное искусство действия имеет дело со знаками, но понятными в очень специфическом ключе. Если прибегнуть к предельно лаконичной формуле, то можно смело утверждать, что оно производит и исследует «индексы». Впрочем, тут необходимо разобраться с тем, в каком смысле мы употребляем это слово. «Индекс — это знак, отсылающий к обозначаемому им объекту благодаря тому, что этот объект оказывает на него реальное воздействие» [Peirce 1998: 291]. Так определяет индекс Чарльз Сандерс Пирс, не только основоположник прагматизма, но и автор оригинальной концепции семиотики, подлинный интерес к которой проявился лишь во второй половине XX века. Мы не будем вдаваться здесь во все подробности этой сложной концепции. Отметим лишь, что она имеет последовательно трехчленную структуру и уже одним этим подрывает жесткую бинарность, характерную для лингвистических моделей.

Итак, задержимся на индексе. Индекс входит составной частью, пожалуй, в самую известную трихотомию пирсовских знаков, включающую также так называемую икону и символ. Если иконический знак основан на сходстве со своим объектом, то символ связан с ним через некое общее правило. А вот индексальный знак отличается тем, что «у него обязательно есть какое-то свойство, которое он разделяет с объектом...» [Ibid.]. Это, конечно, наводит на мысль об иконе, но только особого рода; речь идет не о простом сходстве с объектом, но именно о том, что этот знак является «действительным изменением (actual modification), совершенным в нем объектом» [Ibid.: 292]. Это очень значимое уточнение. По сути дела, Пирс хочет сказать, что знак меняется вместе с обозначаемым объектом, то есть не указывает на случившееся изменение, а несет на себе его прямую печать. Впрочем, когда мы так говорим, мы уже невольно замыкаем означающее и придаем ему статический характер. Слово для того, чтобы предупредить нас от впадения в эту ошибку, Пирс выстраивает семиотику как подвижную систему отношений, в которой элементы знака могут меняться местами, а сама она устремлена в бесконечность. К этому следует добавить, что значение, понимаемое Пирсом как перевод знака с языка одной знаковой системы на язык другой, не присутствует в каком-либо понятии, но

13 Можно сказать, что акционизм не только зондирует социальную ткань, но и приводит к ее неожиданным и долгосрочным изменениям. Достаточно вспомнить знаменитый панк-молебен группы «Pussy Riot» (2012; включен Минюстом России в федеральный список экстремистских материалов) и его влияние на местный общественно-политический контекст.

является в точном смысле эффектом отношений между такими понятиями (или в пирсовской терминологии знаками). Общий динамизм выстраиваемой схемы подкреплен подвижностью самих триадических структур: каждый знак объединяет в себе все три полюса и даже «перемешивает» их (в нашем случае икону, индекс и символ), хотя один из этих элементов и преобладает явно над другими (см.: [Якобсон 1996: 168—169]).

Подчеркнем, что индексальный знак трансформируется самим объектом или, говоря точнее, участвует в трансформации наряду с объектом, который при этом меняется сам. Сегодня, как нам представляется, пирсовская модель знака становится по-настоящему релевантной для описания происходящих трансформаций. Если вернуться к акционистскому искусству, то напрашивается следующее уточнение: реагируя на встречу с внешним миром, искусство не изобретает новой системы записи для этой встречи, а вместо этого ее лишь проявляет. И знак в указанном выше понимании — это то, что является следом встречи, то есть самого взаимодействия: через организацию подлежащих означиванию разнородных элементов он делает видимым только этот «смысл». Иными словами, у знака нет никакого трансцендентного измерения и он по своей природе динамичен, вписываясь в движение других таких же знаков, которое нельзя остановить. А это также означает, что если мы по-прежнему хотим использовать привычные понятия, как, например, все те же «образ» или «знак», мы должны стремиться наполнить их совершенно новым содержанием. Уже ни для кого не секрет, что в эпоху антропоцена, как никогда прежде, мы натолкнулись на пределы человеческих возможностей. Стремительность изменений, затронувших все сферы жизни и охвативших равным образом природу и культуру, бросает нам поистине беспрецедентный вызов. И если мы хотим сохранить надежду на выживание во всех смыслах этого слова, нам надо научиться мыслить и двигаться в ритме самих перемен.

Библиография / References

- [Альтюссер 2005] — *Альтюссер Л.* Ленин и философия / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Ад Маргинем, 2005.
- (*Althusser L.* Lénine et la philosophie. Moscow, 2005. — In Russ.)
- [Арендт 2000] — *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. Библина; под ред. Д. Носова. СПб.: Алетейя, 2000.
- (*Arendt H.* The Human Condition. Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)
- [Аронсон 2018] — *Аронсон О.* Философия и кино: от текста к образу. М.: ИФ РАН, 2018.
- (*Aronson O.* Filosofiya i kino: ot teksta k obrazu. Moscow, 2018.)
- [Бахтин 2000] — *Бахтин М.* К философии поступка // Хронос. 2000 (http://www.hrono.ru/libris/lib_b/baht_postup.html (дата обращения: 04.06.2022)).
- (*Bakhtin M.* K filosofii postupka // Khronos. 2000 (http://www.hrono.ru/libris/lib_b/baht_postup.html (accessed: 04.06.2022)).)
- [Гэллоуэй, Такер 2019] — *Гэллоуэй А., Такер Ю.* Биты и атомы / Пер. с англ. Н. Сосны // Синий диван. 2019. Вып. 23. С. 7—18.
- (*Galloway A., Thacker E.* Bits and Atoms // Siniy divan. 2019. Iss. 23. P. 7—18. — In Russ.)
- [Делёз 2001] — *Делёз Ж.* Спиноза // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. и послесл. Я. Свирского. М.: Per Se, 2001. С. 323—444.

- (*Deleuze G. Spinoza // Delez Zh. Empirizm i sub"-ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza. Moscow, 2001. P. 323—444. — In Russ.*)
- [Земон 2019] — *Земон Р.* Фрагменты из книг «Мнема» и «Мнемические ощущения» / Пер. с нем. М. Савиной; под ред. А. Жаворонкова // *Синий диван. 2019. Вып. 23. С. 67—76.*
- (*Semon R. Fragmenty iz knig "Mneme" i "Die mnemischen Empfindungen" // Siniy divan. 2019. Iss. 23. P. 67—76. — In Russ.*)
- [Кропоткин 1905] — *Кропоткин П.* Бунтовской дух. Женева: Изд. группы «Хлеб и воля», 1905.
- (*Kropotkin P. Buntovskoy dukh. Genève, 1905.*)
- [Кропоткин 2002] — *Кропоткин П.* Анархия: Сборник / Сост. и предисл. Р. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002.
- (*Kropotkin P. Anarkhiya: Sbornik. Moscow, 2002.*)
- [Кропоткин 2007] — *Кропоткин П.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.
- (*Kropotkin P. Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii. Moscow, 2007.*)
- [Кропоткин 2009] — *Кропоткин П.* Справедливость и нравственность // КРАС-МАТ. 2009 (<https://aitrus.info/node/193> (дата обращения: 03.06.2022)).
- (*Kropotkin P. Spravedlivost' i nravstvennost' // KRAS-MAT. 2009 (https://aitrus.info/node/193 (accessed: 03.06.2022)).*)
- [Малабу 2019] — *Малабу К.* Жизнь одна: сопротивление биологическое, сопротивление политическое / Пер. с фр. А. Гарраджи // *Синий диван. 2019. Вып. 23. С. 47—59.*
- (*Malabou C. Une seule vie: résistance biologique, résistance politique // Siniy divan. 2019. Iss. 23. P. 47—59. — In Russ.*)
- [Петровская 2022] — *Петровская Е.* Возмущение знака: о перформативе, лозунгах и Ленине // Петровская Е. Возмущение знака. Культура против трансценденции. 2-е изд. М.: Common place, 2022. С. 46—66.
- (*Petrovsky H. Vozmushchenie znaka: o performative, lozungakh i Lenine // Petrovsky H. Vozmushchenie znaka. Kul'tura protiv transsentsentsii. 2nd ed. Moscow, 2022. P. 46—66.*)
- [Спиноза 1957] — *Спиноза Б.* Этика / Пер. с лат. Н. Иванцова // Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. С. 359—618.
- (*Spinoza B. Ethica // Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1957. P. 359—618. — In Russ.*)
- [Якобсон 1996] — *Якобсон Р.* Несколько слов о Пирсе, первопроходе науки о языке / Пер. с англ. К. Голубович // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 162—169.
- (*Jacobson R. A Few Remarks on Peirce, Pathfinder in the Science of Language // Yakobson R. Yazyk i bessoznatel'noe. Moscow, 1996. P. 162—169. — In Russ.*)
- [Aronson 2020] — *Aronson O.* Preliminary Remarks toward a Formal Understanding of Revolution // *The South Atlantic Quarterly. 2020. Vol. 119. No. 3. P. 521—533.*
- [Bredenkamp 2003] — *Bredenkamp H.* A Neglected Tradition? Art History as Bildwissenschaft // *Critical Inquiry. 2003. Vol. 29. No. 3. P. 418—428.*
- [Chakrabarty 2017] — *Chakrabarty D.* Anthropocene 1 // *Fueling Culture: 101 Words for Energy and Environment / Ed. by I. Szeman, J. Wenzel and P. Yaeger. New York: Fordham University Press, 2017. P. 39—42.*
- [Grubačić 2020] — *Grubačić A.* David Graeber Left Us a Parting Gift — His Thoughts on Kropotkin's "Mutual Aid" // *Truthout. 2020. September 4 (clck.ru/38Yorg (accessed: 08.06.2022)).*
- [Kropotkine 1880] — *Kropotkine P.* L'Action // *Le Révolté. 1880. 25 décembre. No. 22. P. 1.*
- [Kropotkine 1882] — *Kropotkine P.* Charles Darwin // *Le Révolté. 1882. 29 avril. No. 5. P. 1.*
- [Negri 2013] — *Negri A.* Spinoza for Our Time: Politics and Postmodernity / Transl. by W. McCuaig. New York: Columbia University Press, 2013.
- [Nixon 2017] — *Nixon R.* Anthropocene 2 // *Fueling Culture: 101 Words for Energy and Environment / Ed. by I. Szeman, J. Wenzel and P. Yaeger. New York: Fordham University Press, 2017. P. 43—46.*
- [Peirce 1998] — *Peirce Ch.S.* Nomenclature and Divisions of Triadic Relations, as Far as They Are Determined // *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893—1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 289—299.*